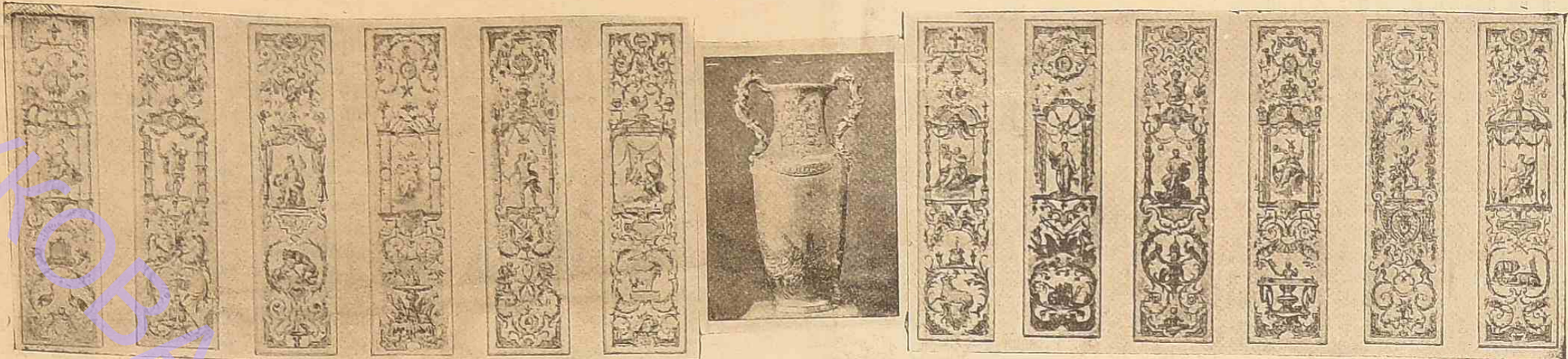


ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5424.

Воскресенье, 30-го сентября 1901 г.

№ 5424.



Гобелены и ваза, поднесенные Ихъ Величествамъ въ Компьенѣ.



Р. Вирховъ.

У ФАКИРА.

И. Л. Переца *).



Къ факиру зашелъ человекъ, видѣнность котораго трудно поддается описанію. Босой, онъ былъ одѣтъ въ старое изорванное платье, сквозь лохмотья котораго видно его худое тѣло, но каждое движеніе его увѣрено, почти гордо. Изборужденная глубокими морщинами пергаментная кожа

*) Переводъ съ еврейскаго „Нижел. Листка“.

на лицѣ говоритъ, что онъ старъ, очень старъ. А взглядъ большихъ черныхъ глазъ строгъ и полонъ силы, энергіи и молодости.

Сухія губы его потрескались и въ углахъ тонкаго рта блуждаетъ улыбка ироніи и вмѣстѣ глубокой доброты.

Факиръ встаетъ и идетъ ему навстрѣчу, — это онъ дѣлаетъ рѣдко даже передъ богатыми и знатными людьми.

— У меня есть къ тебѣ просьба, — говоритъ гость.

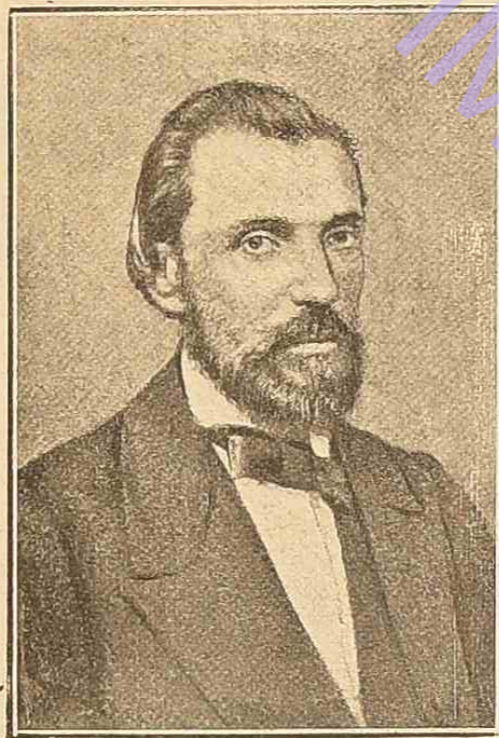
— Скажи, въ чемъ твое желаніе? — спрашиваетъ факиръ.

— И ты исполнишь его?

— Если захочу — отвѣчасть факиръ и прибавляетъ съ смиреніемъ — и если смогу.

— О, ты можешь, это я знаю, — него голосъ звучитъ отчетливѣе и строже. — Я видѣлъ какъ не разъ, ты это дѣлалъ... только не даромъ.

— А ты не можешь заплатить?
 — Можетъ быть... все таки...
 — Чѣмъ? — спрашиваетъ факиръ и измѣряетъ взглядомъ оборваннаго гордаго гостя. Можетъ быть, ты, сынъ мой, гдѣ нибудь...
 — Укралъ? Нѣтъ, я уплачу тебѣ не деньгами, а своей собственной исторіей.
 — А она такъ важна и интересна, что пригодится мнѣ?
 — Интересна? Какъ для кого... Пригодится ли она тебѣ, я не знаю... Но она избавитъ тебя отъ усилій и труда.
 — Какимъ образомъ?
 — Мой приходъ, моя личность произвели на тебя впечатлѣніе. Я заинтересовалъ тебя... Если я уйду, ты не одинъ разъ задумаешься: кто онъ былъ, чего онъ хотѣлъ. А время факира дорого. Его мысли еще дороже. Временемъ и мыслями факиръ живетъ. Факиръ подумалъ немного; онъ испытывалъ себя, насколько, дѣйстви-



И. С. Никитинъ.

(Къ 75-лѣтію со дня его рожденія).



Композиторъ Ц. А. Кюи.

(Къ 50-лѣтію его служебной дѣятельности).
 (Съ рис. И. Е. Рѣпина).

тельно, заинтересованъ онъ гостемъ, будетъ-ли онъ о немъ думать.

А гость продолжалъ.

— Ты старъ, факиръ, очень старъ. Все твои чувства высохли... Твое сердце уже ни въ чемъ не находитъ радости... Головой ты еще живешь... Одинъ мозгъ живетъ въ тебѣ не только по привычкѣ. И страданія, и радости тревожатъ еще твою голову. Она думаетъ и хочетъ знать... Успокой ее, факиръ! Пусть получитъ она хоть еще одно впечатлѣніе изъ этого міра, прежде чѣмъ она тоже устанетъ и равнодушно будетъ ждать смерти...

— Хорошо! — отвѣтилъ факиръ.

Они сядутся, и гость рассказываетъ.

— Ребенкомъ я разъ гулялъ съ отцомъ въ долину между горами и зам-

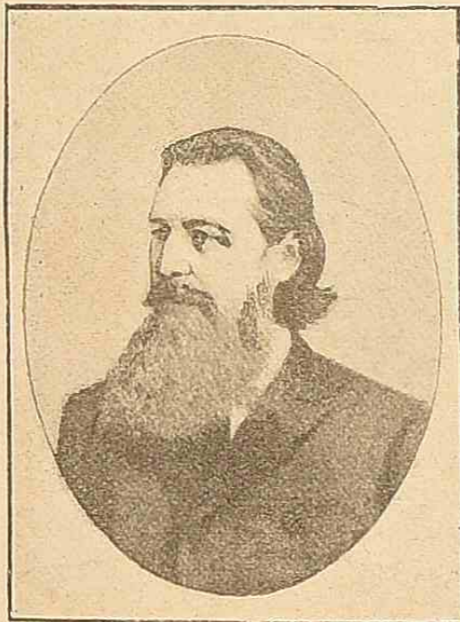
комъ...

— Вы жили въ замкѣ?

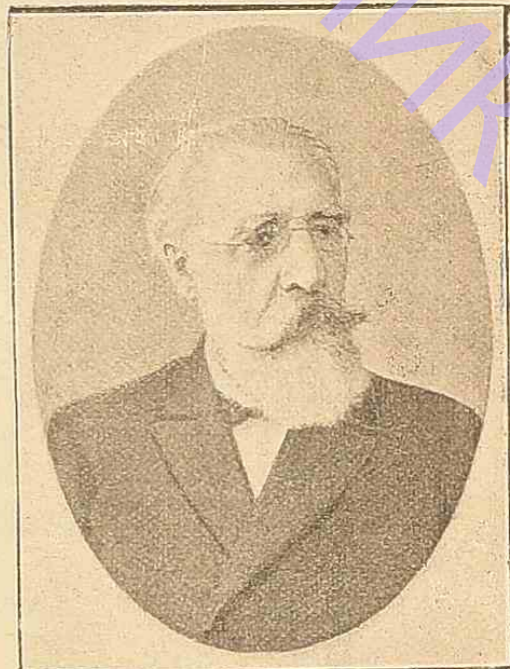
— Да... Мы вспугнули орла, и онъ стрѣлой взвился къ небу. — „Я бы хотѣлъ такъ летать“, — подумалъ я вслухъ. — „Ты будешь летать“ — отвѣтилъ мнѣ отецъ — но не по воздуху. Воздухъ — не наша стихія. Мы не можемъ жить воздухомъ и въ воздухѣ... А летать ты будешь все таки въ небо, прямо къ солнцу. И это небо — голубая, шелковая съ вышитыми золотыми звѣздами стѣня нашего королевскаго дворца, и это солнце — самъ король. Лучи его милости свѣтлѣе и



А. Н. Афанасьевъ,
 извѣстный собиратель русскихъ народныхъ сказокъ и преданій.
 (Къ 70-лѣтію со дня его смерти).



А. А. Потѣхинъ.



Баронъ Б. А. Фитингофъ-Шель,
 композиторъ.
 † 13 сентября 1901 г.

теплѣ, но они не для всѣхъ, не для каждаго... Я передалъ потомъ эти слова своему учителю — онъ былъ также факирь, какъ и ты. Ни одинъ мускуль его лица не дрогнулъ. Холодно и строго сказалъ онъ мнѣ: „Орелъ, если онъ хочетъ жить, долженъ питаться, а для ѣды онъ долженъ спустаться на землю. Ъда лежитъ низко, часто въ болотѣ“...

— Мудрыя слова!
— Я же не понялъ его и скоро забылъ объ этомъ разговорѣ. Снова на память пришли мнѣ эти слова, когда я былъ первымъ министромъ.

— Манцифуци?
— Такъ назывался я.
— А теперь?
— У меня нѣтъ имени.

— Когда все это произошло?
— Уже нѣсколько лѣтъ... Я радъ за тебя, факирь, что ты ничего не знаешь, что ты живешь такъ высоко, такъ далеко отъ моей бывшей жизни!.. Однажды я стоялъ такъ долго и такъ низко склоненнымъ передъ солнцемъ, что я невольно позабывалъ колоннамъ въ залѣ дворца, которыя тоже поддерживаютъ его, но не гнутся.

— Ты сказалъ это вслухъ?
— Нѣтъ. Мои губы не посмѣли еще сдѣлать это, только — спина... Я сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе... Солнце замѣтило это...

— И ты остался живъ?
— Велика была его милость ко мнѣ. Меня сдѣлали только луной: отослали править провинціей.

— Ты былъ доволенъ?
— До поры, до времени... Когда проѣзжало солнце, луна мало склонялась...

— И?
— Я былъ разжалованъ въ звѣзды... я получилъ въ управленіе только городъ...

— И ты управлялъ, пока не пріѣхала луна?



Н. В. Сухомлиновъ, внонѣ избранный пре-водителемъ дворянства Херсонской губерніи

— Да... Моя спина чѣмъ дальше, — тѣмъ становилась менѣе гибкой... я попалъ въ млечный путь, въ число миллионъ маленькихъ звѣздочекъ.

— И?
— Все — спина! Меня познакомили съ бамбуковой палкой и сбросили съ

неба!
— А твой отецъ — тотъ гордый владетель замка?

— Онъ не выдержалъ моихъ испытаній и умеръ, оставивъ мнѣ большое наслѣдство. Я могъ бы устроить самъ для себя небольшое небо...

— Ты этого не сдѣлалъ?
— Нѣтъ. У меня была другая страсть. Я хотѣлъ того, чего желаютъ все — хотѣлъ, чтобы другіе были похожи на меня, чтобы они перестали гибнуть.

— Опасная страсть.
— Я накупилъ съѣстныхъ припасовъ и одежду, широко раскрылъ тяжелыя ворота замка и кликнулъ кличь по странѣ: „Всякій, кто хочетъ, пусть придетъ и возьметъ, чего пожелаетъ“... Но я поставилъ единственное условіе: никто не долженъ благодарить. Кто это сдѣлаетъ, тотъ долженъ заплатить.

— Многие умѣли исполнить это?
— Нѣтъ. Но со временемъ число ихъ росло, увеличивалось... но со временемъ меня посадили въ сумасшедшій домъ.

— Да, какъ расточителя.
— Когда я вышелъ изъ сумасшедшаго дома, отъ моего наслѣдства не осталось и крохи... Друзья и знакомые постарались... Оказались долги: содержаніе въ королевскомъ сумасшедшемъ домѣ обходится очень дорого... „Иди работать!“ — сказали мнѣ, выпуская.

— Бывшему министру это, конечно, не понравилось?

— Напротивъ! Послѣ такого долгаго отдыха я скучалъ по работѣ, но достать ее не могъ. Выпрашивать и кланяться я уже отвыкъ...

Гость замолчалъ, и факирь спросилъ его:

— Хочешь, я научу тебя этому?

— Ты не сумѣешь. Голодъ и жажда не смогли сдѣлать этого... Только одно... Жизнь стала мнѣ въ тягость.

— Ты хочешь, чтобы я освободилъ тебя отъ нея?

— О нѣтъ! Для этого не нужно было бы твоей помощи. Каждая рѣчка, каждая вѣтвь помогли бы мнѣ въ этомъ... Имъ мнѣ не надо было бы даже разсказывать своей исторіи.

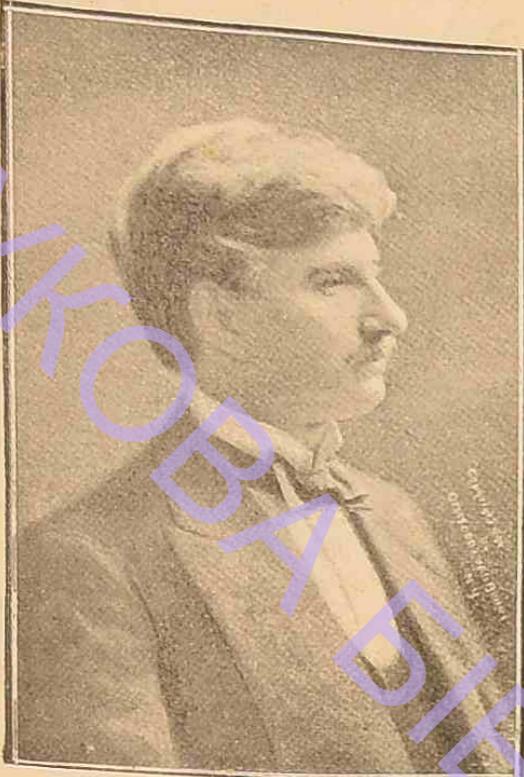


Группа дворянъ Херсонской губерніи, собравшихся послѣ молебствія на паперти собора въ Херсонѣ.

(Съ фотографіи Л. Раппопорта).

— Чего же ты хочешь от меня?
И гость горячо продолжал:
— Я вѣрю, факирь! Каждый чело-
вѣкъ имѣетъ свою вѣру—это нить,
которою боги привязываютъ насъ къ
жизни. Я вѣрю, что придетъ время

Нѣмецкая оперетка въ Одессѣ.



А. Печниковъ,
скрипачъ принимающій участіе въ
въ симфоническомъ собраніи 2 октября.



Леона Ней.



Эд. Штейнбергеръ.



Бетти Стоянъ.

Лучшее воспоминаніе.

Разсказъ Натюля Мендеса *).

Очутившись въ великолѣпномъ залѣ, ро-
зовыл порфиrowыя стѣны котораго были
инкрустированы аметистами, три юныхъ

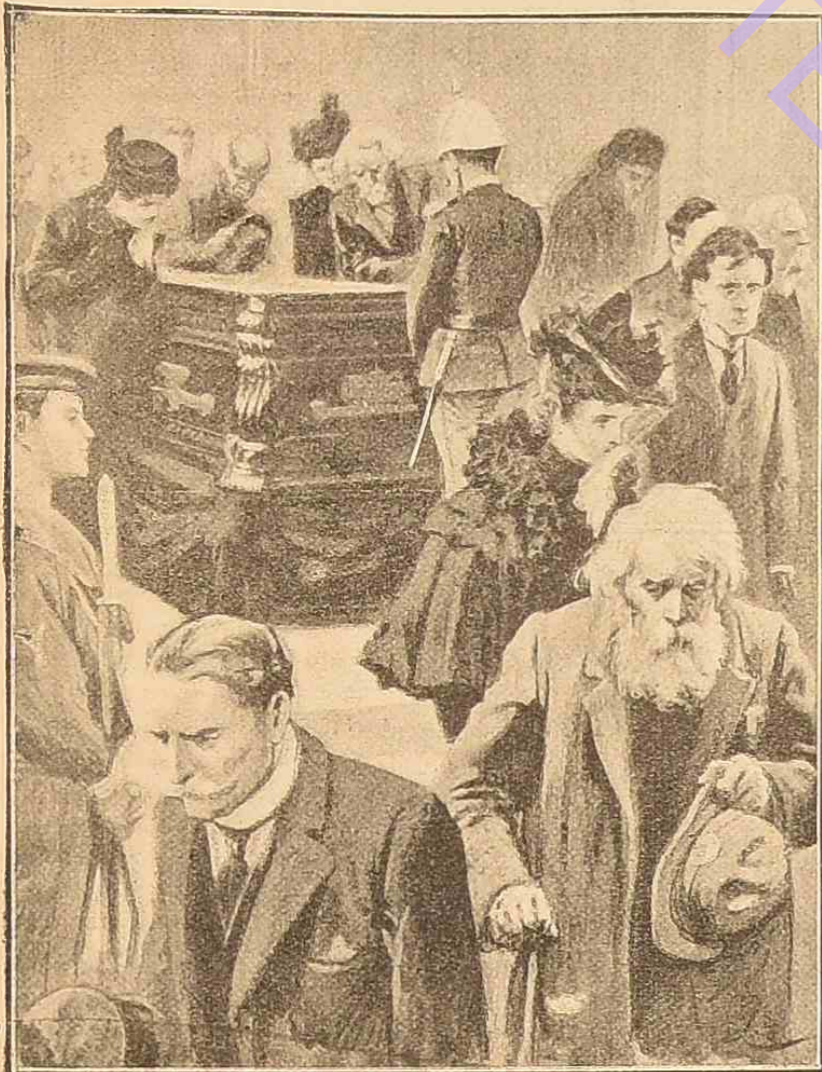
*.) Переводъ „П. Ж.“.

принца, почти что дѣти (старшему изъ
хннъ, Эймону — исполнилось всего сем-
надцать, Коломбану — шестнадцать, а Розе-
лену — пятнадцать лѣтъ) воскликнули, гово-
ря все вмѣстѣ и обращаясь къ доброму
волшебнику, сидѣвшему на тронѣ изъ не-
фрита, въ то время, когда ноги его покои-
лись на гривѣ ручного дракона.

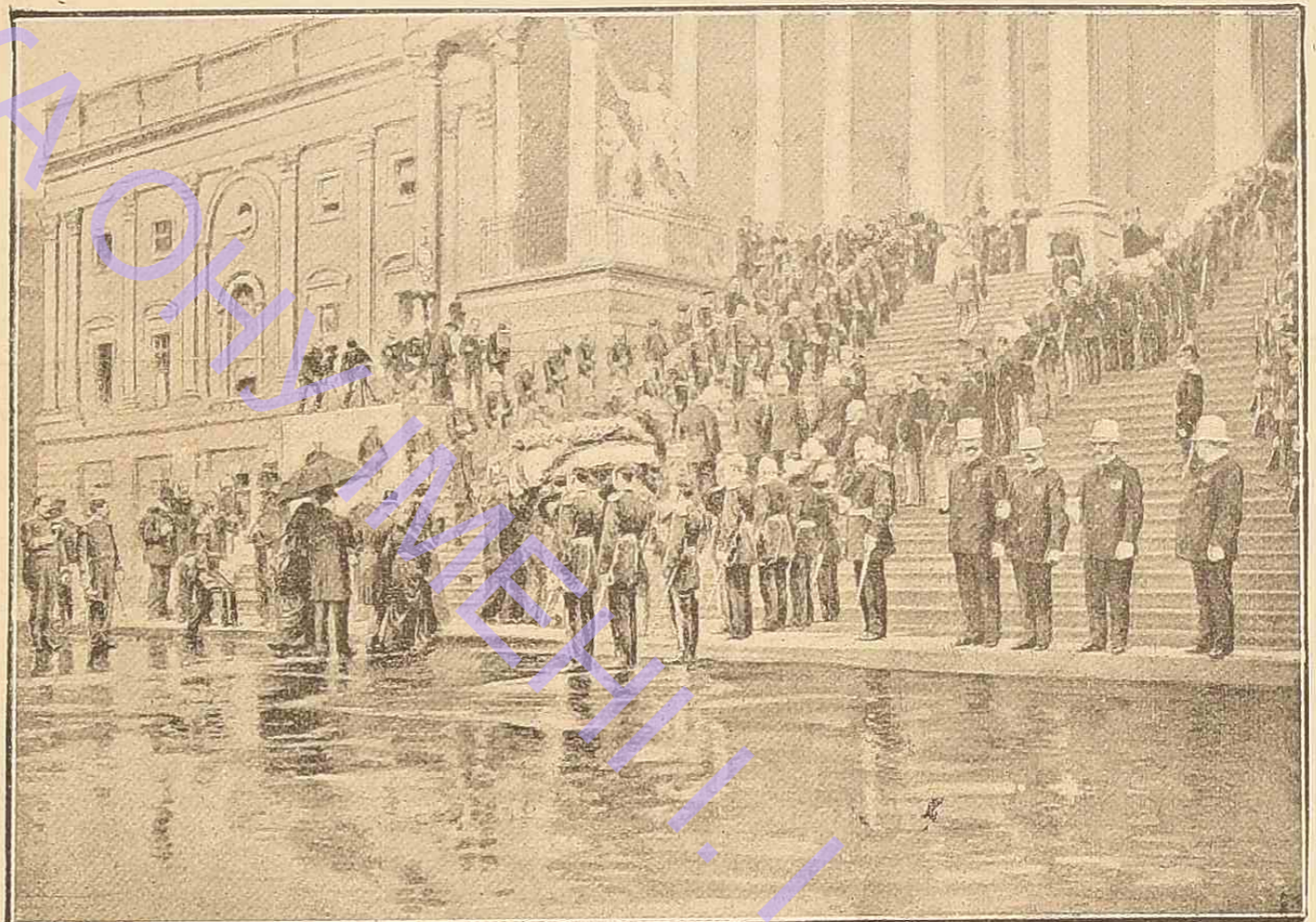
— Могущественный магъ! Вы, достигшіи
славы своими подвигами и добрыми дѣлами,
вы, извѣстный во всѣхъ странахъ вселен-

ной, знайте, что мы — сыновья царя, и что
мы жаждемъ быть поэтами.

Въ отвѣтъ на эти слова добрый вол-
шебникъ весело расхохотался въ свою кра-
сивую бороду, цвѣта бѣлой розы.



У гроба Макъ-Кинлея.



Погрбеніе Макъ-Кинлея.— Выносъ тѣла изъ Капитолія въ Вашингтонѣ.

прямыхъ людей съ крѣпкими,
негнушимися спинами, — людей
которые не захотятъ и не су-
мѣютъ гнутьсѣ... Я хочу до
жить до этого.

— Такъ долго ты хочешь
жить?

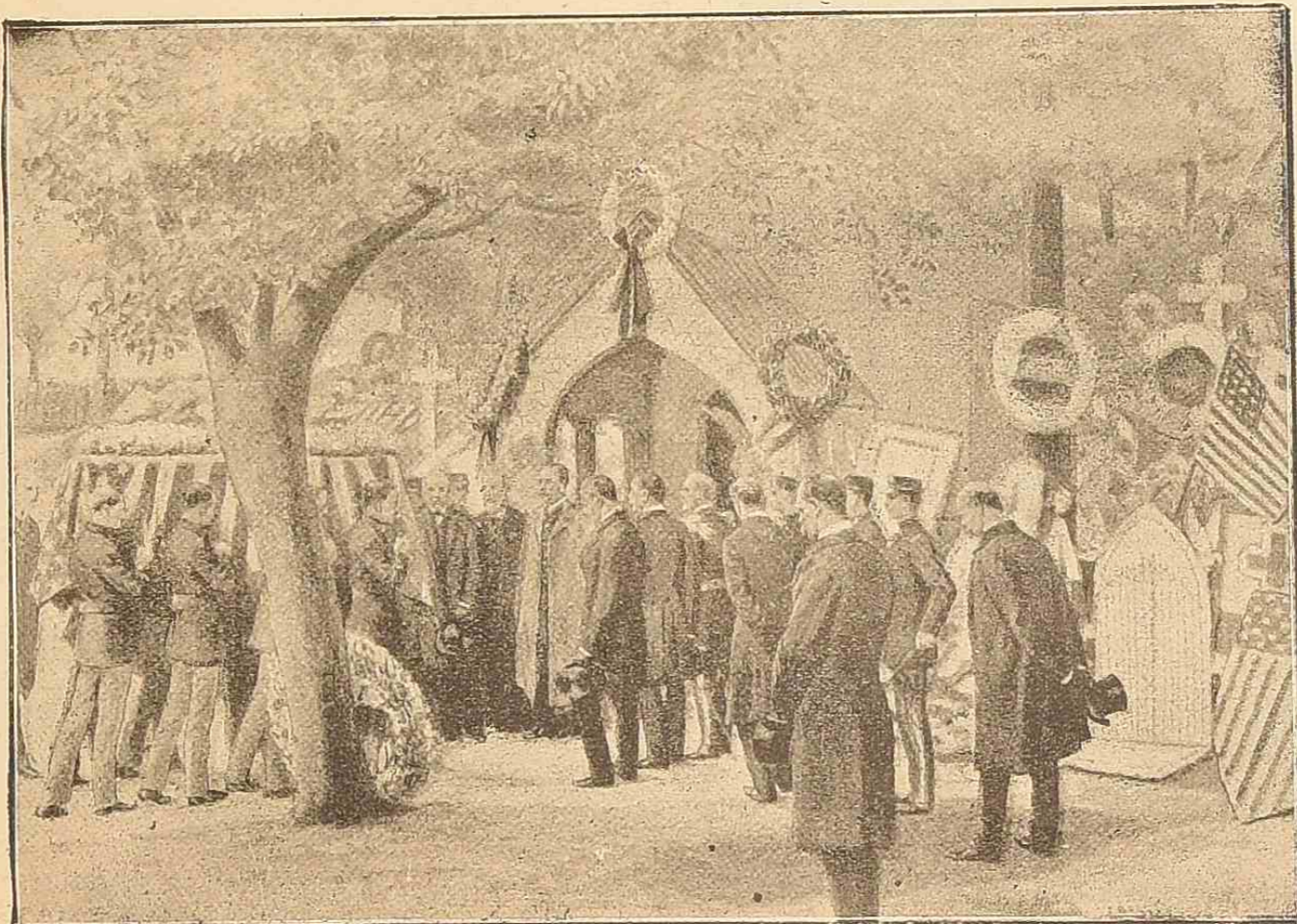
— Нѣтъ, за такое поздне-
счастье это было-бы слишкомъ-
большой платой. Я не хочу уми-
рать, я хочу заснуть. Ты мо-
жешь сдѣлать это. Усыпи ме-
ня, факирь!

Факирь молчитъ.

— Ты не хочешь сдержать
своего слова? — спрашиваетъ
гость.

— Нѣтъ, — не то! Я думаю
только, кто разбудитъ тебя?
Я? — Нѣтъ. Мои дѣти и дѣти
дѣтей моихъ? — тоже нѣтъ...
Кто-же вспомнитъ о тебѣ?

— Не бойся... меня разбу-
дить то время.



Погрбеніе Макъ-Кинлея.— Перенесеніе гроба въ сѣпель.

Только-то? — произнесъ онъ.
— Поэтами? Вы желаете быть по-
этами? Другими словами, вы, не бо-
лье, какъ наслѣдники монарха,
мечтаете удобиться торжествую-
щимъ богамъ? Быть поэтами, дѣ-
ти, это знать все, имѣть все, и
между тѣмъ, находить въ облада-
ніи высшихъ благъ міра никогда
неисчерпаемое наслажденіе желаній.
Обладающій даромъ поэта живеть
въ постоянномъ очарованіи убаю-
кивающихъ его рифмъ, ноги его
касаются ковровъ, сотканыхъ изъ
пурпура и усѣянныхъ цвѣтами, а
чело его украшаютъ звѣзды. Пти-
цы, розы обожаютъ его, женщины
погибаютъ отъ любви къ нему. Вы
хотите быть поэтами? Еще-бы! Зна-
ете-ли вы, что справедливо раз-
гнѣванный вашей дерзостью, я
могъ-бы изгнать васъ отсюда при
помощи прислуживающихъ мнѣ
гигантскихъ негровъ, одѣтыхъ въ
красный атласъ? Но я помню, что
когда-то, много лѣтъ тому назадъ,
я любовался молодою эрцгерцогин-
ею, предназначавшеюся вамъ въ
матери. Съ необычайной граціей
рвала она въ полѣ, покрытомъ
золотыми колосьями, красные ма-

ки; вась-же рекомендует мнѣ дружелюбно расположенный ко мнѣ соловей, имѣющій обыкновеніе пѣть по вечерамъ противъ окна, у котораго вы мечтаете, въ большомъ саду, переполненномъ цвѣтущими тюльпанами. Вотъ, почему я готовъ снизойти до вашего желанія. Одинъ изъ вась будетъ поэтомъ. Я соглашусь на это и предполагаю, юные принцы, что за подобное благодѣяніе вы станете благодарить меня, стоя на колыняхъ!

Услышавъ эти слова мага, принцы бро-спались передъ нимъ на колѣни съ выраже-ніемъ самой искренней благодарности на лицахъ; но въ глубинѣ души они были не такъ довольны, какъ стремились это пока-зывать.

— Одинъ изъ насъ? — который-же, славный магъ? — воскликнули они.

Тотъ, который ока-жется болѣе другихъ до-стойнымъ славы, о кото-рой вы такъ мечтаете, — возразилъ волшебникъ. — Выслушайте-же меня со вниманіемъ. Въ продолже-ніе цѣлаго года вы бу-дете странствовать по міру. Вы будете изучать предметы, существующіе въ немъ, людей населя-ющихъ его. Вы явитесь затѣмъ въ мой розо-вый порфиновый, никру-стированный аметистами дворецъ; и тотъ изъ вась, который съ сердцемъ сохранитъ лучшее воспоминаніе получить отъ меня въ награду даръ поэта.

По прошествіи года, всѣ три принца явились вновь въ жилище мага.

Очутившись около тро-на волшебника, они низко поклонились ему.

Обращаясь къ нимъ, великій старецъ прого-ворилъ:

— Разскажите мнѣ, юные принцы, что слу-чилось съ вами во время вашихъ путешествій? Что показалось вамъ досто-иннымъ восхищенія? Ты старшій, Эймонъ, говори прежде другихъ.

— Я видѣлъ божественное зрѣлище, — воскликнулъ Эймонъ, съ глазами, сияющими восторгомъ: — при заходящемъ солнцѣ я видѣлъ битву въ большой равнинѣ. Оружіе воюющихъ сіяло и искрилось. Знамена, какъ огромныя страшныя птицы, развѣвались надъ толпою. Побѣдные крики заглушали стоны умирающихъ. И мечи сверкали въ воздухѣ, они были многочисленны и блестящи, какъ миллионы цвѣточныхъ стеблей, украшенныхъ стальною молніей. И въ то время, какъ побѣжденные, окровавленные и истерзанные, спасаясь, бѣжали къ горизон-ту, на высотѣ холма, сиди на бѣлой ло-

шадѣ, украшенный зо-лотомъ и пурпуромъ, появился молодой ге-нераль побѣдитель, перьями шлема кото-раго игралъ вѣтеръ.

— Слово пѣть, — произнесъ добрый магъ, что ты видѣлъ дивное зрѣлище, зрѣ-лище боя, освѣщенного заходящимъ солнцемъ, между героями, пере-крещивающими свое блестящее оружіе. Я не скрываю отъ тебя, Эймонъ, что признаю



Погребеніе Макъ-Кинлея. — Склепъ съ останками покойнаго въ Кантонѣ.

скрытъ, я видѣлъ рос-кочы, триумфы и сла-ву — но, что, въ сущ-ности, все это? Я от-чаявался въ возмож-ности сохранить въ своемъ сердцѣ воспо-минаніе, достойное вни-манія, когда не ожи-данно очутился въ го-родѣ, гдѣ чума (без-жалостно уничтожала людей. Ужасно было видѣть безчисленное мно-жество умирающихъ и груды труповъ на улицахъ этого горо-

— Слово пѣть, что самоотверженіе и милосердіе — великое, прекрасное зрѣлище, — воскликнулъ магъ, выслушавъ юнаго принца. — Я не скрою отъ тебя, Коломбанъ, что и ты, такъ-же, какъ и старшій братъ, имѣешь данныя, дѣлающія тебя достой-нымъ полученіемъ даръ поэзіи.

Очередь осталась за Розеленомъ, млад-шимъ изъ трехъ принцевъ, свѣжимъ и хрупкимъ, какъ цвѣтокъ, колеблющейся на длинномъ стеблѣ.

— Я не обращалъ вниманія, — началъ онъ, отвѣчая на вопросъ мага, — на битвы, происходившія при свѣтѣ заходящаго солнца въ равнинахъ, такъ-же, какъ и на мило-сердныхъ людей, спасавшихъ умирающихъ въ зараженныхъ чумою городахъ. Съ пер-выхъ-же моихъ шаговъ, въ самый день моего отъѣзда, я увидѣлъ зрѣ-лище, лишившее меня способности наблюдать за чѣмъ-бы то ни было; и, конечно, не мнѣ, великій волшебникъ, удостоиться счастья быть поэтомъ.

— Что-же такъ пора-зило тебя, малютка? — спросилъ убѣленный свѣ-динами магъ.

— Войдя въ городъ, я увидѣлъ у окопъ одного изъ его домовъ плачу-щую дѣвушку. Я при-близился къ ней. Она плакала, горько плака-ла. Глаза ея, цвѣта го-лубого неба показались мнѣ васильками, омо-ченными росой. Она бы-ла хороша собою. Но я смотрѣлъ только на ея глаза, на ея заплакан-ные глаза. — Отчего вы такъ плачете, сударыня? — спросилъ я ее. — Ка-кова причина вашего горя? — Я плачу, — отвѣ-тила она мнѣ, — потому что женихъ мой, един-ственный человѣкъ, доро-гой для меня въ этомъ мірѣ, покинулъ меня, по-слѣдовавъ за бродягоу-дьянкою. — И, сказавъ это, бѣдница зарыдала, закрывъ лицо своими нѣж-ными и блѣдными рука-ми. Я заплакалъ вмѣ-стѣ съ нею, добрый магъ, и съ той минуты въ продолженіе всего моего путешествія, я лишился способности что-либо видѣть, такъ какъ глаза мои были заволочены мучитель-ными и одновременно сладостными слезами.

— Поэтомъ будешь ты, дорогой сынъ мой. Ты! Такъ какъ въ мірѣ пѣть ничего болѣе святого, болѣе благороднаго, какъ печаль любящихъ и невинныхъ дѣвъ, и въ сердцѣ своемъ ты сохранилъ лучшее изъ вос-поминаній. Я вручаю тебѣ даръ рифмъ и зву-чныхъ стиховъ; но ты, дитя мое, плачущій съ рыдающими дѣвами. знай, что ты уже поэтъ.



Погребеніе Макъ-Кинлея. — Похоронная процессія.

въ тебѣ нѣкоторыя данныя для того, что-бы наградить тебя даромъ поэта.

И обернувшись къ Коломбану, магъ про-изнесъ:

— А ты, что видѣлъ ты, юный принцъ? — Я видѣлъ зрѣлище, показавшіяся мнѣ недостойными вниманія, оказываемаго имъ людьми. Я видѣлъ царскіе парки, въ которыхъ прогуливались прекрасныя прин-цессы, волоча за собою шлейфы своихъ длинныхъ платьевъ, и видѣлъ куртизанокъ, смѣющихся въ то время, какъ имъ на-шептывали о любви, и видѣлъ, какъ ру-бины одинъ за другимъ падали въ кубокъ, сдѣланный изъ одной цѣльной жемчужины. Я видѣлъ могущество царей, алчность

да, на его порогахъ домовъ; зараза, какъ зловерный вѣтеръ, носилась въ воздухѣ, и я уже собирался покинуть мрачный этотъ городъ, когда уви-дѣлъ женщинъ, переходившихъ отъ больно-го, предлагавшихъ имъ лекарства, расточающихъ вокругъ себя утѣшеніе. Онѣ не боялись заразы, не боялись смерти. Для того, чтобы скрасить послѣднія мгновенія окружавшихъ ихъ несчастныхъ, онѣ прене-брегали отвращеніемъ, опасностью, онѣ не страшились почти вѣрной смерти. И я почувствовалъ себя охваченнымъ восхищеніемъ и благоговѣніемъ къ этимъ милосерднымъ женщинамъ; и въ ту минуту я понялъ, что ничего лучшаго не увижу на землѣ.

ными и блѣдными рука-ми. Я заплакалъ вмѣ-стѣ съ нею, добрый магъ, и съ той минуты въ продолженіе всего моего путешествія, я лишился способности что-либо видѣть, такъ какъ глаза мои были заволочены мучитель-ными и одновременно сладостными слезами.



1-ая ремесленная артель производства корабельныхъ и полированныхъ цѣпей.



2-ая артель ремесленниковъ для производства ящиковъ.